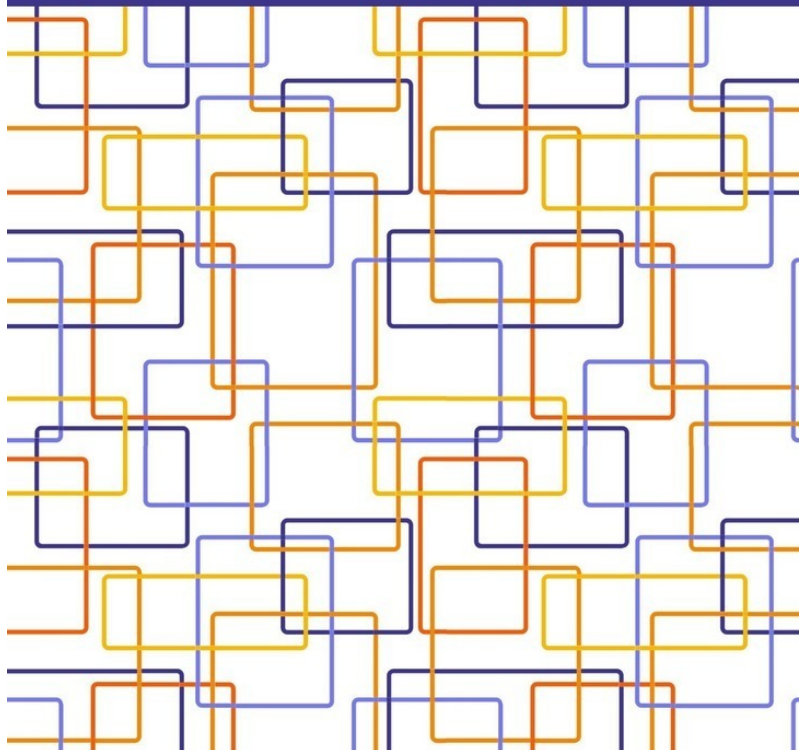

Евгения Филиппова
Вкус свободы

Часть 1

Евгения Филиппова
Вкус свободы. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47418629

ISBN 9785005055613

Аннотация

Интересно, какая свобода на вкус? Сладкая? Наверное, слаще грез. А что для Вас свобода? Как понять, что ты по-настоящему свободен?

Содержание

I	5
II	31
III	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вкус свободы

Часть 1

Евгения Филиппова

© Евгения Филиппова, 2019

ISBN 978-5-0050-5561-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-5562-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

– Ночь. Скоро утро. Когда рассветет, все отправятся на строительство. Сначала прозвенит глухой звук, а после ворвутся в твои теплые грезы и ударами и криками погонят в суровую ужасную реальность. В мир страха. Развеют сладкие, счастливые грезы. Погонят всех, как рабов, как стадо. Не дадут даже проснуться, умыться. Сразу за работу. Нужно встать раньше, чтобы успеть умыться. Как же я, неумытая опять буду целый день? Нет, так нельзя. Так могут и вши завестись. Да и вообще... нет, нельзя опускаться до такого уровня. Это неправильно. Нужно быть бодрым и здоровым. Тогда КПД будет больше, и тогда мы быстрее закончим строительство башни, и тогда нас отпустят на свободу... Да. На свободу, настоящую свободу, а не эту жалкую пародию. Это незнакомое слово «свобода». Все, кто сюда попал, все время говорят о свободе. Интересно, какая она – свобода эта? Сладкая? Наверное, слаще грез. Да, слаще грез. На свободе, говорят, можно делать все, что душе угодно. Хочешь – днем спишь. Хочешь – днем с людьми разговариваешь. Хочешь – не приходишь на строительство. И тебя никто не будет бить, на тебя никто не будет кричать и наказывать тебя тоже никто не будет. А если и будут, то ты сможешь ответить, не боясь последствий. На свободе, говорят, много интересного, не виданного здесь. Анатолий Павлович говорил, что

свобода лучше, чем птица, что на свободе у него семья – жена и сын. Здесь нет семьи. Ни у кого. Значит, свобода – это делай что хочешь, когда хочешь и где хочешь... – так думала девушка, лежавшая в своей камере на матрасе и разглядывавшая самолично разрисованный потолок. Потолок был низкий – около полутора метров – поэтому девушка спокойно на нем рисовала. Ведь она делала это ночью, а ночью это делать разрешалось. Сама девушка была немного больше полутора метров, поэтому, когда она вставала с матраса или заходила в камеру, ей приходилось нагибаться, чтобы не удариться. В камере было одно маленькое окошко прямо под потолком, но оно было затемнено и не было понятно: рассвело или еще нет. Но это легко можно было определить благодаря дырке в потолке. Она была небольшая, но рассвет можно было определить.

– Что-то я замечталась. Уже пора вставать, чтобы успеть умыться до рассвета, – сказала девушка и, аккуратно встав, вышла из камеры. Когда она шла, цепи на ее руках, свисавшие до колен, создавали шум и выдавали ее местоположение. Она собрала их и понесла в руках, чтобы не разбудить людей из соседних камер.

Девушка вошла в подобие умывальной комнаты. Под одним сломанным умывальником, еле держась за раковину, лежал мужичок. Его цепи, такие же как и у девушки, висели, качаясь.

– Доброе утро, Никитич, – весело поздоровалась девушка

и принялась умываться. После этого она заплела свои длинные черные слегка кудрявые волосы в две косички.

– Да какое же оно доброе, Асия? – спросил Никитич, опуская голову вниз. Асия повернулась к нему и, наклонившись, пристально посмотрела.

– Ты пьяный? Тебя накажут.

– Не сыпь мне соль на рану.

– И что же ты будешь делать?

– Не знаю...

– Уже рассвело. Сейчас будут всех собирать. Знаешь, что я могу тебе предложить, возьми эту конфету, – Асия достала из своего кошелочка, который всегда носила с собой на поясе, конфетку и протянула Никитичу.

– Что это?

– Это конфетка, таблетка от горла, – прозвенел глухой звон трубы.

– Спасибо, – он потянулся за конфетой, но неожиданно ворвались надзиратели, чтобы всех собрать на строительство.

– Пора работать! – крикнул один из них, заходя.

Все надзиратели ходили в чистой, глаженной, словно новой форме. Еще они носили фуражки и всегда имели при себе оружие, в основном они пользовались только одним – жезлом. Жезл больно бьет, от него такие синяки остаются, что еще долго заживают.

Работающие на стройке же ходили, в чем могли. Раз

в месяц командиры привозили на стройку одежду, которую все строители вмиг разбирали. Каждый старался больше себе присвоить. Дело обязательно доходило до драки. Было неважно чье это: мужское, женское, детское. Главное, чтобы прикрывало, а зимой – чтобы грело. Асия в последний привоз достала себе белую майку с ажурным вырезом на спине и штаны с ляжками, которые она подтяжками собрала до бридж.

– Это что вы здесь делаете? – громко спросил один из командиров. – Это что такое? – крикнул он, указывая на конфету.

– Это? – спросила Асия, улыбнувшись, – это конфета для горла. Я всегда с собой их ношу, вы же знаете, господин командир. Хотите и вам дам? – она протянула к нему руку.

– Не хочу! – сказал он, ударив протянутую руку жезлом. Конфета выпала на пол. Асия нагнулась искать ее, но не нашла. Пока она искала конфету, другой командир подошел к Никитичу и наклонился.

– Ты что, пьяный? – спросил он грозно. Никитич виновато понурил голову. – Все ясно. Ты прекрасно знаешь, что тебя ждет наказание. Асия! Хватит глупостями заниматься! Выметайся на стройку! – крикнул он.

– Уже бегу, – весело ответила Асия и побежала на стройку, шумя своими болтающимися цепями. Командиры увели Никитича.

Асия прибежала на строительную линейку и встала

на свое место. В этот момент происходила переключка.

– Асия, ты где опять была? – шепотом спросил ее мальчик, стоящий рядом.

– Я с Никитичем разговорила. Он пьяный, и его застали. Теперь его накажут.

– Асия, ты всегда в какую-нибудь историю попадешь, – тихо посетовала девушка, которая стояла с другой стороны.

– Кто разговаривает? – спросил грозно надсмотрщик, посмотрев в сторону ребят. Те замолкли. Он продолжил свое дело. Дойдя до Асии, он сказал:

– Асия! Ты сегодня делаешь тоже, что и вчера, – он соединил ее цепи – знак того, что она работает. Асия отошла и стала работать. Ее сегодняшняя работа заключалась в том, что она перевозила камни на тачке с одной точки на другую. Работа была не самая простая, но и не самая сложная. Она загрузила огромные булыжники в тачку и поехала к основанию башни. У основания башни она встретилась с Никитичем.

– Привет, – улыбнулась она. – Тебя наказали? – с интересом спросила Асия.

– Лишили недельного обеда и ужина, – ответил он, разгружая булыжники, – еще и побили.

– Ужас. Могло быть и хуже, – улыбнулась она, помогая разгружать булыжники.

– Вы что тут разговариваете? А ну-ка тс! – подошел к ним командир.

– Мы молчим, – с улыбкой ответила Асия. Она пошла назад. Ее путь проходил от подножия башни, в которую привозят булыжники, до каменоломни, в которых добывали эти булыжники.

– Непонятные люди – главные люди, как их называют – задумали построить башню. Никто не знает, что это такое будет и для чего ее строят. Когда строительство доходит до определенного момента, башня ломается, взрывается, части отваливаются, рассыпаются как пыль. Все приходит в изначальное положение: первый этаж башни. Никто не понимает, почему так происходит. Поэтому строители прозвали эту башню – «вечно недостроенная».

Новичкам, попадающим на стройку, говорят, что они будут свободны, как только построят эту башню. И новички верят. Они с энтузиазмом и надеждами строят эту башню. Им приносит это удовольствие. Скоро они будут дома, построить только башенку. Всего-то дел? Раз-два и башня построена. Они не понимают, почему так плохо говорят про это место. Но когда они видят, как ломается башня – их мечта, цель, смысл жизни – их энтузиазм исчезает, а страх сменяется отчаяньем. Они пытаются построить башню. На второй, третий... даже на пятый раз они еще верят, что смогут ее построить. Но на десятый раз они уже окончательно отчаиваются, понимают, почему никто отсюда никогда не уедет. Они понимают, что выполняют сизифов труд. Однако иначе они не могут. Бедные. Мне их так жалко. Они впадают в от-

чаянье. А ведь что может быть хуже отчаянья? Не знаю, – размышляла Асия во время работы.

Она дошла до каменоломни и пошла «в поле». «Поле» строители называли площадку каменоломни. А все потому, что там люди трудились, как в поле. Каждый на своем участке отламывал камни от скалы. Асия тоже работала в поле, но только тогда, когда в чем-то провинится. Это было ее наказанием. Оно и понятно, маленькой девушке сложнее камни откалывать, нежели большому мужчине. Она дошла до утреннего знакомого и стала загружать камни.

– Ты чего здесь забыла? – тихо спросил юноша, ударяя киркой о скалу. После этого он вытер пот лежавшей на земле рубашкой и вновь продолжил работать. Его цепи, к которым была еще присоединена кирка, громко звучали.

– Я пришла на тебя посмотреть, – улыбаясь и закладывая камни в тачку, ответила Асия, – Кузьма, я тебя с линейки не видела. Давай вместе пообедаем.

– Что за разговоры? – подошел надсмотрщик. Это был немолодой мужчина около пятидесяти лет, два года назад прибывший на стройку. Его назначили по распределению, после того, как последнюю работу закрыли. Из-за ненадобности той тюрьмы, всех надзирателей распределили по разным местам. В первый свой день, они с Асией очень сдружились. На самом деле, этот надсмотрщик был добрый, и на первый взгляд непонятно, почему он выбрал именно эту работу. – Асия, ты что тут забыла? Хочешь больше работы?

– Нет, Анатолий Павлович. Я просто прошла мимо своего пункта, и, чтобы не идти порожняком, решила взять у Кузьмы камни, – весело ответила Асия.

– Асия, ты как обычно, – рассмеялся Анатолий Павлович. – Работать надо, а не думать! Днем работать, а ночью можно и подумать. Еще раз тебя здесь увижу, будешь у меня в два раза больше работать. Поняла?

– Так точно! Уже бегу! – весело ответила Асия и убежала.

– С самого моего появления здесь она не изменилась, – сказал Анатолий Павлович. – Почему, интересно, она всегда улыбается? Ведь она никогда не грустит. А когда башня рушится, она, словно, еще больше радуется. Странный она ребенок.

– Так она всю жизнь здесь живет, – отвечал Кузьма, откалывая камень. – Это ее дом. Внешнего мира она не знает. Зачем ей грустить? Ей и здесь хорошо.

– Возможно, ты и прав. Так, – словно опомнившись и приняв грозный вид, сказал Анатолий Павлович, – ты тут не разговаривай, иначе последует наказание! – он ушел, а Кузьма продолжал работать.

– Какой же Анатолий Павлович хороший, – думала Асия, пока работала. – Он не такой, как остальные надсмотрщики. Он ни разу никого не бил, но его все слушаются. Умеет человек расположить к себе. Я помню нашу первую встречу, словно это было вчера. Да уж, он тогда очень испугался. Все же он такой смешной. Направлен сюда по распреде-

лению надсмотрщиком, а чувство, будто и не рад оказаться здесь. Тоже мечтает сбежать отсюда. Все «на свободу» хочет. Непонятно, что его здесь держит? Я тоже хочу на их свободу, попробовать ее на вкус...

Настало время обеда. Всем раздали по буханке хлеба и три дольки колбасы. Еще дали маленькую бутылочку воды. Асия дошла до Кузьмы и уселась рядом с ним.

– Асия, ты чего здесь делаешь? Тебя же накажут, – говорил Кузьма, откусывая хлеб.

– Пускай наказывают. Я хочу с тобой обедать, – ответила Асия. – С тобой мне спокойно и весело.

– Как со мной может быть весело? Как вообще здесь может быть весело? Осмотрись вокруг. Что в этом месте такого хорошего?

– А что в нем плохого? – спросила Асия, съев последнюю дольку колбасы.

– Все. Это же не жизнь. Это ад.

– Нуу, это не ад. Ты не знаешь, что такое ад. Я видела ад, он намного страшнее этого. А здесь хорошо. Ты спишь на матрасе, а не на каменном полу. Целых три раза в день кушаешь. В аду ты если раз в два дня поешь – будешь счастливчик. А ночью вообще делаешь, что хочешь. Что вам не нравится?

Время обеда закончилось. Мимо ребят прошел молодой надсмотрщик.

– Асия? Ты какого рожна здесь забыла? Кто разрешал тебе

сюда приходите? – с криком обрушился он на нее.

– Было время обеда, а я не хотела одна кушать. Одной скучно, а вместе весело. Если бы вы согласились со мной пообедать – я осталась на месте. Я вас искала, да не нашла. Решила здесь остановиться.

Кузьма слегка подавился хлебом от смеха, а молодой надсмотрщик слегка покраснел.

– Наказание! – крикнул он на нее. – Два наказания! Остаешься без ужина! И марш на свое место! – Асия убежала к своей тачке. – А ты чего расселся!? – обратился он к Кузьме. – Обеденный перерыв уже закончился! Тоже наказание! Тоже сегодня без ужина!

– Есть, командир, – тихо с недовольством и улыбкой ответил Кузьма. Он продолжил свое дело.

Дело близилось к вечеру. Люди начинали потихоньку оживляться. Скоро закончится этот мучительный день, и станет прекрасная ночь. Асия дошла до башни и начала выгружать камни.

– Асия, бросай камни. Тебя вызывают, – сказал молодой мужчина, подошедший со спины. Асия повернулась. Это был серьезный мужчина, который, в отличие от надсмотрщиков, носил не форму, а простой костюм. В его глазах читалось пренебрежение, презрение ко всем окружающим людям: строителям и надсмотрщикам.

– Дядя Степа-великан! – улыбаясь, крикнула она. Никитич остановился посмотреть на этого дядю Степу. Он поднял

глаза и сразу их опустил, потому что «дядя Степа» смотрел на него своим презрительным взглядом, который говорил: «Что смотришь, раб? Выполняй свою работу! Нечего пачкать меня своим взглядом. Ты не достоин смотреть на меня».

– Асия, бросай камни. Тебя ждут, – повторил мужчина, начиная слегка злиться. Ему не нравилось присутствовать в этом месте, он хотел поскорее отсюда уйти.

– Дядя Степа, я не могу. Вот сейчас разгрузю тачку, и пойдём, – ответила Ася и, повернувшись спиной, продолжила выгружать камни. Дядя Степа взглядом пилил ее спину.

– Асия, я разгрузю, ты иди, – тихо шепнул ей на ухо Никитич.

– Нет, я должна выполнить свою работу.

Через пять минут тачка была пуста, и Асия с дядей Степой пошли со стройки. Асия не шла, а скакала. Проходя мимо Анатолия Павловича, они остановились. Анатолий Павлович посмотрел на них удивленными глазами. Он впервые видел этого человека и не понимал, что происходит.

– Так, надсмотрщик, расстегни ей цепи. На сегодня ее работа закончена, – грубым голосом приказал дядя Степа.

– Извините, а вы кто? – ошарашено спросил Анатолий Павлович.

– Делай, что приказано, или хочешь выговор получить?! – крикнул на него дядя Степа. Асия выставила руки вперед. Анатолий Павлович поднял цепи и расстегнул их.

– Спасибо. День отработан благотворно, – весело сказала

ему Асия.

– Ага, – ответил надсмотрщик. Асия и дядя Степа пошли дальше. Теперь Асия не только прыгала, но и крутила руками. Цепи шумели, и это раздражало дядю Степу. Анатолий Павлович смотрел им вслед. К нему подошел другой надсмотрщик.

– Этот жук снова здесь появился? – спросил он.

– А кто это такой? – поинтересовался Анатолий Павлович.

– Это «дядя Степа», как называет его Ася. А серьезно – лучше тебе не знать. И что ему опять понадобилось от Аськи?

– Я его впервые за два года вижу.

– Вот и я удивляюсь. Три года ни слуху, ни духу и вот – нате! Явился, не запылится. Послушайся моего совета: держись от него подальше. А если он тебе что-то говорит, молчи. Даже ночью не смей о нем ничего говорить. Он не спускает этого. Ты можешь, заперевшись в своей комнате и проверив, что никто не слышит, шепнуть, все, что думаешь. Но только так и никак иначе.

– Зачем ему понадобилась Асия?

– Шут его знает. Слухи ходят разные, но это слухи.

– Она с ним так близка. «Дядя Степа» называет. А меня, так Анатолий Павлович.

– Не ревнуй. Ты два года с ней, а тот жук всю ее жизнь.

– А почему «дядя Степа»? Они же на вид одного возраста.

– Она стала называть его так после первой своей прочи-

танной книжки. Он ей книжку про «дядю Степу» подарил в детстве.

Пока надсмотрщики разговаривали, дядя Степа и Асия подошли к концу стройки.

– Аська, перестань шуметь! – не выдержал дядя Степа. – Ты своими цепями прямо по ушам едешь!

– Прости, – успокоившись, ответила Асия. – Ты куда пропал?

– У меня были дела в городе.

– В городе? Ты был в городе? А ты мне подарок привез? – спросила Асия, остановившись перед дядей Степой. Она сомкнула руки в замок и поднесла к лицу, а ее глаза загорелись от счастья. Дядя Степа смотрел на нее сверху вниз.

– Конечно. Не мог же я тебя оставить без подарка, – слегка улыбнулся он, свысока смотря на Асию.

– Ура! – запрыгала от счастья Асия, и цепи вновь зазвенели. Дядя Степа поморщился.

– Аська! Я же просил!

– Все, больше не буду, – дальше они пошли молча.

Уже начинало тихонечко темнеть. Все рабы заканчивали свою работу. Асия и дядя Степа пришли в главное здание. Они вошли в кабинет начальника этой стройки. Начальником оказался старенький дедушка. Его седые волосы почти не прикрывали его головы. Он надел очки, чтобы лучше рассмотреть входящих.

– Разрешите, Петр Алексеевич, – вошли дядя Степа

и Асия.

– Дедушка! – Асия подбежала к большому столу и обняла «дедушку» за шею. Цепи ударили его по щекам. Он улыбнулся и отстранил Асию. Она уселась в кресло, напротив стола начальника. Это было ее место. Она всегда здесь сидела. Дядя Степа остановился у входа.

– Три года я не вызывал тебя к себе, – начал Петр Алексеевич. – Нужно избавиться от одного парня. Его время жизни подходит к концу. Ася, ты должна опять инсценировать несчастный случай.

– Как зовут? – с детской улыбкой спросила Асия.

– Кузьма. Кузьма Трутски, – строго ответил дедушка, отдавая фото Асии.

– И когда срок? – спросила она, не перестав улыбаться.

– Это на твое усмотрение. Не более двух лет. Если он за это время себя не проявит, значит судьба его такая.

– Два года, значит, – задумавшись, повторила Асия. Потом она опомнилась и улыбнулась. – Хорошо. Два года, так два года, – она спрятала фото, встала с кресла и направилась к выходу.

– Асия, – остановил ее начальник. Асия повернулась. – Не делай глупостей – это раз. И перестань нарываться на неприятности – это два. Все. Свободна, – Асия вышла из здания. Уже стемнело, наступила ночь.

Асия шла по темной улице и болтала цепями с улыбкой на лице. Неожиданно она остановилась и присела на корточ-

ки, схватившись руками за голову.

– Бесит! – крикнула она что есть мочи. – Он меня бесит! – она успокоила, встала и посмотрела в окно начальника. – Дедушка! Я обязательно дострою эту башню! И освобожу всех! Все будут свободны! Все! Даже Кузьма! И он не погибнет в несчастном случае! А ты! – в это время начальник смотрел в окно и слушал Асию. – Дедушка! Ты меня бесишь! Три года не видела, еще бы столько же не видела! Буду делать, что хочу! Ты меня не убьешь! Бе! Бе! Бе!

– Ася, ты чего делаешь? – спросил дядя Степа, увидев, как она кривляется перед окном.

– Я? С дедушкой разговариваю, – ответила с улыбкой Асия. – Хочешь со мной? Сейчас же ночь. Можно говорить, что угодно и ничего не будет.

– Вот оно что. Ася, я же тебе подарок не отдал.

– Подарок? – Асия быстро переключилась. Она внимательно с явным волнением смотрела на дядю Степу. – Что за подарок? Дядя Степа? Что за подарок?

– Фонарик.

– Так у меня есть фонарик. Тот, который ты в тот раз привозил. Я его всегда с собой ношу, – она достала из своего кошелочка маленький фонарик и показала дяде Степе.

– А это другой фонарик – налобный, – он надел Асии на голову фонарь. – Так удобнее, правда? – Асия потрогала фонарик и включила его.

– Вау, как светло стало! Какая прелесть! Спасибо, дя-

дя Степа! – крикнула от счастья Асия. – Я его всегда буду с собой носить, – она еще раз потрогала фонарик. Несмотря на то, что ночь была темная, дядя Степа увидел по-детски счастливую улыбку Асии.

– Это еще не все. Меня же три года не было. А ты, как я посмотрю, ходишь все в тех же старых, непонятных тапочках?

– Это же ты мне их выбрал, – тихо сказала Асия.

– И что? Поэтому ты решила их не снимать до конца жизни? Асия, каждый месяц приезжает машина с одеждой...

– Да, я вот в последний приезд вон что себе выбрала, – прервала его Асия и покрутилась. – Тебе нравится? – спросила она, улыбнувшись.

– Я видел сегодня. Зачем ты подтяжками себе штаны закатала?

– Просто иначе они у меня спадают. А в штанах жарко.

– А ты сделай вот так, – дядя Степа убрал подтяжки, спустил штаны, пощупал их и, найдя замок, отстегнул лишнюю часть. Из штанов получились шорты.

– Ух ты, я и не знала, что такое бывает, – удивилась Асия.

– Аська, ты как всегда. Держи остатки. Когда станет холодно – пристегнешь назад. А твои тапочки я все же выкину.

– Ты же сам сказал мне их надеть. Дядя Степа, я тебя не понимаю. Ты сам сказал мне надеть эти тапочки.

– Ася, Ася. Я тебе их дал, потому что ты тогда босая ходила, а это была единственная обувь. Дай мне эти тапочки, –

Асия сняла тапки и отдала дяде Степе. Он их разорвал и выкинул. После он посмотрел на ноги Асии. – Что толку от тех тапочек? Ты посмотри на свои ноги. Что в них, что без них, все одно – ноги в кровь. Вот, держи. Новые сланцы, – дядя Степа протянул Асии коробку.

– Это мне? – не поверила Асия. – Точно? – она открыла коробку. Там лежали спортивные сандалии. – Можно мне их надеть? – спросила Асия нерешительно.

– Конечно, тебе ведь я их купил, – Асия быстро надела сандалии. – Надеюсь, с размером угадал? – спросил дядя Степа. – Я так, навскидку их покупал.

– Они восхитительны! Прямо на меня. Спасибо, дядя Степа! – обрадовалась Асия и запрыгала от счастья. Ее цепи вновь зашумели, но дядя Степа только слегка поморщился. После этого они пошли прогуляться по ночной стройке.

– Дядя Степа, а ты был «в свободе»? – спросила Асия во время прогулки.

– Что? Откуда ты взяла это слово?

– Мне Анатолий Павлович сказал. Скажи, ты знаешь, какая свобода на вкус? Сладкая? – они прошли мимо группы людей.

– Жук вновь появился? – подметил Кузьма, лежавший на камне в центре группы.

– Да. Ничего хорошего не жди, – продолжила девушка, стоящая на утренней линейке рядом с Асией.

– Алиса, ты слишком пессимистична, – сделал ей замеча-

ние Никитич.

– Никитич, когда к ней приходит этот жук, ничего хорошего не следует. Ты видел, как он ко всем с презрением относится?

– Сам таким был, – подхватил Кузьма. – А ведь я его когда-то другом считал.

– Да. «Четыре друга навсегда!» – крикнула Алиса, когда Асия и дядя Степа проходили мимо них. Он посмотрел на кричащую с каким-то ужасом. Асия словно и не заметила этого.

– Алиса, ты что, дура? Нельзя такое кричать, – обругал ее Кузьма.

– У нас ночь, ночью можно все.

– Но не с ним, – сказал Никитич. – Ладно, я пошел спать от греха подальше.

– А ты с нами не пойдешь на стройку? – спросил Кузьма, вставая с камня.

– Нет уж, мне днем ее хватает, – Никитич ушел.

– А кто такой Анатолий Павлович? – спросил дядя Степа, перед выкриком Алисы.

– Анатолий Павлович – очень хороший человек, – начала Асия. В этот момент Алиса крикнула в сторону ребят. Дядю Степу передернуло, и он посмотрел в сторону крика своим ненавистным презрительным взглядом. Его глаза встретились с глазами Алисы. В них он прочитал «предатель!».

– Кто он? – еще раз переспросил он Асию.

– Ты с ним сегодня разговаривал. Он мне цепи снял. Он просто замечательный, – они дошли до скалы и сели на камень. – У него дома семья есть.

– И как же он тебе про свободу сказал?

– В общем, дело было два года назад, через несколько дней после его приезда на стройку. Он такой смешной, – Асия посмеялась и брякнула цепями. – В тот день я слышала, что должен приехать кто-то. Они сказали, что ты приедешь. Я, естественно, побежала делать тебе сюрприз. Я забралась на ту отвесную скалу и ждала твоего приезда. Пришел человек, а их еще не было. Я хотела спрыгнуть тебе на спину, но, зацепившись левой цепью за камень, повисла на скале. Ну, я не растерялась. Расшаталась и цепь выскочила из-за камня. Я прыгнула ему на спину, но не как хотела. Он от неожиданности попятился назад, а там же еще одна пропасть, ты же помнишь? И он в нее наступил и повалился. Если бы не мои цепи, которые опять зацепились за камень, он, наверное, уже лежал в пропасти. Ведь другая цепь обмотала его руку и, кажется, вывихнула ее, – рассмеялась Асия. – Тут подошли встречающие. Дедушки не было. Когда достали нас из пропасти, я посмотрела на этого человека. Была такая досада. Я думала, это ты приехал, а это не ты! – с досадой Асия ударила кулачком в плечо дяди Степы. – А Анатолий Павлович был ошарашен происходящим.

– Ну ты даешь. Неужели ты думаешь, я бы попятился назад?

– Я думала, что я такая тяжелая, тебя перевесила, – от этих слов дядя Степа рассмеялся. Он делал это редко, поэтому все окружающие остановились и присмотрелись: правда ли это он смеется. Асия счастливо улыбнулась.

– Рассмешила, так рассмешила. Запомни, Аська, ты меня никогда не перевесишь.

– Хочешь попробовать?

– Нет, нет. И что тебе потом сделали?

– Наказали. Месяц без обеда и двойная рабочая норма в поле.

– Получается, твой Анатолий Павлович трусишка, – сделал вывод дядя Степа.

– Нет, ты что! Он совсем не трусишка. Он просто не ожидал. Он очень хороший. Он меня потом считать учил. Вот тебе сколько лет?

– Мне? Двадцать три.

– А мне?

– Тебе? – дядя Степа задумался. – Тебе двадцать один.

– Вот, мне двадцать один. Тебе двадцать три. Я тебя старше на два года.

– Чего? Это он тебя так научил? Это я тебя старше на два года!

– Ну разница же два года? Значит, я правильно посчитала! – гордо ответила Асия.

– Ладно. Пошли спать. А то светать скоро будет. Тебе выспаться нужно, – дядя Степа проводил Асю до камеры. Асия

легла и вмиг заснула.

Ей приснился сон. Она, Кузьма, Алиса и дядя Степа маленькие. Они гуляют по стройке. Башня уже выше неба.

– Алиса, Кузьма, дядя Степа, смотрите, – сказала Асия, указывая на башню. – Эта башня выше неба! А значит, мы дотянемся до птиц!

– Побежали! – весело крикнули ребята и побежали в башню. Они забрались на самый верх. К ним прилетели четыре большие птицы, и дети сели на них. Птицы полетели.

– Смотрите, стройка внизу, – сказала Алиса. – А сверху она выглядит такой маленькой.

– Куда полетим? – спросил Кузьма.

– В свободу! – весело ответила Асия, и ребята полетели «в свободу».

Они пролетали много прекрасных и красивых мест. Водопад, лес, поле ржи, озеро. Свет был яркий, но не ослепляющий, просто божественный. Ребята были счастливы. Они прилетели на поляну, и птицы их опустили на землю. Дальше дети пошли пешком. Во время прогулки, они бегали, смеялись, игрались. Дядя Степа дергал Алису за косички и убегал, а Алиса бежала за ним. Асия и Кузьма по очереди незаметно щекотали друг друга. Дети дошли до дома. Дверь была открыта нараспашку. Прямо посреди комнаты был накрыт огромный стол, на котором ведрами стояла еда. Ведро колбасы, два ведра хлеба, ведро картошки, ведро мяса, несколько ведер разнообразной каши. А посреди стола сто-

ял целый фонтан воды. Дети с жадностью накиннулись на всю еду. Во время еды они были сосредоточены и серьезны. Как только дети наелись до отвала – стол исчез. Вместо стола появились мягкие новые матрацы. Дети легли на матрацы и заснули. Но заснули не все, Асия осталась бодрствовать. Она подошла к матрацу Кузьмы и посмотрела на него сверху вниз. Немного полюбовавшись спящим Кузьмой, Асия достала из маленьких штанишек большую глыбу. Асия услышала голос, кто-то отсчитывал назад время.

– До конца жизни осталось одна минута семь секунд. Одна минута шесть секунд...

Асия смотрела на Кузьму.

– А что будет, если время кончится? Он умрет без меня? Нет. Дедушка же говорил, что, если время закончится, Кузьме будет плохо. Я лишь помогу ему найти покой, – думала она, слушая голос и смотря на маленького Кузьму. – Подожду, пока время закончится, и потом убью. Какая жалость, что Кузьме отведен такой короткий срок жизни. Это очень грустно. Я очень хотела с ним поиграть подольше. Я очень расстроюсь.

– До конца жизни осталось десять секунд, – сказал голос. – Девять, восемь, семь, – сердце Асии забилося, – шесть, пять...

– Что со мной такое? Почему сердце так сильно бьется? – спрашивала сама себя Асия. Голос не переставая, отсчитывал время.

– Два, один...

Кузьма открыл глаза, Асия ударила его по голове булыжником. Кровь разлилась по матрацу. Кузьма остался лежать с открытыми глазами. Асия закрыла глаза, а когда открыла, то все исчезло. Она проснулась.

– Сердце до сих пор бьется. Интересно, почему? – Асия встала, вышла из камеры и тяжело вздохнула.

Она вышла на улицу и взяла большой камень, а после пошла в камеру Кузьмы. Кузьма спал, как младенец. Потолки в камере Кузьмы были немного выше, чем в камере Асии. Она включила свой налобный фонарик и посмотрела на стены и потолок. Там было все из ее сна: водопад, лес, озеро, поле, дом. Именно здесь Асия впервые увидела эти вещи. Она вспомнила момент, когда это все появилось.

***

Маленькая Асия каждый день приходила к Кузьме в камеру и видела, что он рисует с закрытыми глазами.

– Что делаешь? – спросила Асия, подойдя к Кузьме.

– Рисую.

– А почему глаза закрыл?

– Потому что я только так помню все. Когда я открываю глаза, то не могу нарисовать.

– Ясно. А что это такое? – спросила Асия, показав на рисунок.

– Это водопад.

– Красивый.

– Тебе нравится?

– Очень. Водопад, говоришь?

– Да, – Асия быстро побежала к себе в камеру и нарисовала на потолке водопад, какой он был у Кузьмы, и подписала кривыми большими буквами «ВОДОПАД». Но, так как Асия была не художник, водопад у нее получился своеобразный.

***

– Да уж, – сказала Асия и вновь подошла к Кузьме, выключив фонарик. Она смотрела на него сверху вниз, как во сне. Ее рука, в которой она держала булжник, дрожала. Так как Кузьма спал почти посреди камеры головой к стене, Асия стояла спиной к выходу. В это время мимо камеры непонятно почему проходил дядя Степа. Он мельком глянул в камеру и увидел Асию с булжником в руках. Она уже собралась поднять руку, но никак не могла.

– Асия? – дядя Степа вошел в камеру. – Ты что здесь делаешь? – он подошел к Асии.

– Ничего, – улыбаясь, ответила она и отбросила булжник. – А ты что здесь забыл?

– Я кое-кого искал...

– Ясно. Я пойду еще посплю.

– Да, иди, – Асия ушла в свою камеру, а дядя Степа остался стоять. Он смотрел на Кузьму и у него на глазах появились слезы. В это время Кузьма открыл глаза.

– Жук? Ты что здесь делаешь? Ты что, плачешь? – он при-

поднялся.

– Нет, – сказал дядя Степа, вытерев глаза. – Я пришел сказать, – он принял опять выражение презрения всего и всех. – Я пришел сказать, чтобы вы были поосторожнее со словами. Даже ночью не смейте обо мне говорить. Иначе все без разбору получите, – дядя Степа вышел из камеры, а Кузьма, ничего не поняв, лег дальше спать, но это ему не удалось, потому что прозвенел утренний подъем. Кузьма недовольный встал и пошел на линейку.

Сегодня Асия так же, как и вчера, перевозила булыжники на тачке. Но в этот раз она, как будто специально, была вместе с Кузьмой. Когда она взяла очередной камень, то застыла, держа его в руках. Она пристально смотрела на камень, о чем-то думая.

– Асия, все в порядке? – тихо спросил Кузьма. Асия не ответила. – Асия? – он тронул ее за плечо, она опомнилась.

– Все хорошо, – улыбнулась она. – Все просто отлично! – она махнула руками, и камень вылетел у нее из рук.

– Осторожнее! – крикнул Кузьма. – Так и убить можно. Асия, будь внимательнее.

– Прости, – еще больше улыбнулась Асия.

– Что за разговоры? – подошел вчерашний молодой надсмотрщик. – Обоим наказание – без обеда. А тебе, Асия, еще наказание – еще и без ужина – за то, что кидаешься камнями.

– Есть, – весело ответила Асия. Над ними пролетела птица, от ее вида Асия еще больше развеселилась и стала актив-

нее работать.

День прошел без происшествий. Вечером Асия осталась одна на стройке. Она пошла в башню. Поднялась наверх, насколько это было можно.

– Какая прелесть, – говорила сама с собой Асия. – Просто чудо. Два года. Через два года и буду об этом думать. Хотя, – она села на край строившейся башни, – я не хочу, чтобы его жизнь так быстро закончилась. На стройке она у него точно через два года закончится. Значит, его нужно вывести со стройки. И Алису заодно. И дядю Степу. И Никитича... и Анатолия Павловича. Всех. Нужно быстрее закончить эту башню! Да. Быстрее закончить башню, и тогда всех без исключения выпустят на свободу. И я попробую их свободу на вкус! И буду делать, что хочу. Нужно закончить башню. Так, значит, нужно ее строить еще и ночью. Отлично! – Асия взяла веревку, с помощью которой поднимают камни, и спустилась по ней вниз. – Что, интересно, дедушка хочет найти в этом месте? – Асия пошла вниз башни. Спускаясь вниз, она плохо наступила на камень и покатилась вглубь пещеры. Она упала и потеряла сознание.

II

Утро. Работники пришли на свои рабочие места.

– Интересно, куда это Асия подевалась? – спросила Алиса у Кузьмы.

– Не знаю. У меня вчера в камере жук ошивался. Когда я открыл глаза, он плакал. И со словами, что ему нужно кое к кому прийти, ушел.

– Что за разговоры? Алиса! Кузьма! Наказание! Без обеда сегодня остаетесь. И выполняете двойную норму! – ребята замолкли. Мимо них прошел дядя Степа. Он был чем-то озабочен.

– Черт, куда она могла деться! – кричал он на всю стройку. – Кирилл Мефич, ты видел Асию?

– Нет, – ответил надзиратель, собравший линейку.

– О! Павел Антонович! – подошел он к надзирателю.

– Вообще-то я Анатолий Павлович, – поправил его надсмотрщик.

– Да не важно. Антон Павлович, мне нужно с тобой переговорить, – презрительным тоном он сказал Анатолию Павловичу, они отошли в тихое место, где никто бы их не услышал.

– Вы что-то хотели мне сказать?

– Да, хотел. Ты какого лешего наплел Асии про свободу? Ей и здесь хорошо! Теперь она из-за тебя хочет «в свободу».

Почему ты сказал, что здесь плохая жизнь?

– А что в этом плохого? Все люди хотят на свободу. И при том, я ей не говорил, что здесь плохая жизнь. Асия сказала, что хочет быть птицей, а я сказал – лучше свобода, чем птица.

– Асии нельзя на свободу. Ее там просто-напросто убьют. В общем, крутись, как хочешь, а отбей у нее желание свободы, иначе останешься без семьи, – сказал командно-презрительным голосом дядя Степа. От этой фразы Анатолия Павловича всего передернуло.

– Ты мне угрожать вздумал, сопляк? – разозлился Анатолий Павлович. – Семейей шантажируешь? Да как ты смеешь?

– Нет, это ты как смеешь? Для чего ты ее обучил счету?

– Чтобы дать ей образование хоть какое-то. Потому что когда башню достроят...

– Ее не достроят! – крикнул дядя Степа истерично-печальным голосом. – Ты не понимаешь? Ее никогда не достроят! Потому что цель – не построить башню, а найти кристальное золото. Если мы найдем кристальное золото – то весь мир будет нам подчиняться. Потому что кристальное золото, это не просто золото. Это какой-то наркотик. Раз воспользовавшись им, люди захотят еще и еще. Больше и больше. Они все будут делать, лишь бы съесть это кристальное золото, несмотря на то, что это гадость еще та. Потому что, как это ни смешно, оно обладает некой силой. Человек съел кристальное золото, у него мозг заработал быстрее, человек

преуспел. А если человек понюхал его порошок – то это уже все, он Бог. Правда, действие очень быстро заканчивается, и последствия ужасные. Я сам съел его однажды. И вот кто я сейчас есть. Благодаря этому золоту, я вырвался в люди, меня заметили, я преуспел. Но я очень долго отлеживался после его употребления. Я вместе с тем старым дедом ищу это кристальное золото. Но у нас цели разные. У него подчинить всех своей власти, у меня же – уничтожить это золото.

– Это я все понимаю, хотя не совсем. Но причем здесь Асия и свобода?

– Да притом. Начальнику Асия жизненно необходима. Только она сможет найти кристальное золото.

– Это как? Она что, золотоискатель?

– Что-то типа того. Когда еще не было этой стройки, Асия жила в тюрьме, лагере. Там она спала на холодном полу, в одной камере со всеми заключенными. Непонятная тюрьма была. Они не ели и не пили целыми неделями. За любой проступок, глупость или еще что-то – сильно били. И это были не ваши жезлы, это были настоящие плети, которые раздирали кожу до костей. А для особо провинившихся эти плети еще чем-то смазывали, чтобы было в сотни раз больнее. Всех заключенных вывозили сюда работать. Городу нужны были камни для строительства. И все, без разницы кто – мужчины, женщины, дети – все работали. Они все кололи здесь камни для города. Однажды Асия побежала за покотившимся камнем и остановила его. А когда взяла его в руки и оттерла – он

засветился на солнце. Это и было то самое кристальное золото. Она оказалась невосприимчива к золоту. А кристальное золото стоит огромного состояния. На кусок можно целую страну купить. Ее потом побили за то, что она убежала. А когда наш нынешний начальник узнал об этом золоте, то решил организовать здесь стройку и забрал Асию к себе. Она была рада переехать из ада, как она говорит, в рай. Поэтому, пока вы ей не сказали, что на свободе лучше, она считала это место раем.

– Какой-то странный рай. Еды лишают за нарушение. Вечно носят кандалы...

– Это еще не кандалы. В той тюрьме она носила кандалы, так кандалы. Железные, тяжелые на руках и ногах, вечно сцепленные со всеми сокамерниками в одно.

– А ты как здесь оказался?

– Не твое дело, – снова вернув презрительный тон, ответил дядя Степа.

В это время смертники пошли работать вниз. Когда один из них спустился, то увидел лежащую Асию. У нее голова была разбита и Степин налобный фонарик тоже. Смертник подумал, что с ней делать. За ним уже спускался другой.

– А причем здесь башня? – поинтересовался Анатолий Павлович.

– Что встал как вкопанный? Давай вниз! – крикнул спускавшийся смертник.

– Миф гласит, что начальник построит башню, дотягива-

ощуюся до небес, – ответил дядя Степа.

– Я не могу, тут Аська лежит, – ответил первый смертник.

– Зачем такую башню ему понадобилось строить? – спросил Анатолий Павлович.

– Аська?.. Вот гадость! Как она здесь оказалась? Давай ее вниз, – сказал второй смертник.

– Чтобы каждый человек смог почувствовать себя Богом, – ответил дядя Степа.

– Вниз? Ты с ума сошел? Нас же прибьют, если узнают, что мы потащили Аську с проломленной головой вниз, – противостоял первый смертник.

– Богом? – спросил Анатолий Павлович. – Это шутка такая? Вы хотите сказать, что, зайдя на эту башню, человек сразу почувствует себя Богом.

– А ты предлагаешь подняться наверх, чтобы нам еще раз по головам дали. Мне одного раза хватило. Притом, надзиратель всыпет нам по головам своим жезлом, если ее увидит. Давай вниз! – сказал второй смертник и толкнул первого вниз.

– Да. Ты просто не знаешь, какое это блаженство, возвышаться над всем миром. Стоять выше облаков. Все внизу такое крошечное, игрушечное, что чувствуешь себя властителем этого мирка. А еще в этой башне будут содержаться преступники. Наш начальник все-таки начальник тюрьмы, а стройка – это так, отработка преступников. Эти преступники буду сгнивать в своих камерах. Никакой работы. Будут

сидеть, кушать два раза в день. И все. Никакой прогулки, никакого общения. Никакого развлечения. Только ты и четыре стены, – закончил дядя Степа.

– Бери Аську, – сказал первый смертник. Второй смертник взял Аську на руки, и они спустились вглубь.

– Вы настоящие садисты. Тогда вашей тюрьме не нужны будут надзиратели, – заключил Анатолий Павлович.

– Абсолютно верно. Только проблема в одном. Когда достроится башня – всех отпустят на свободу. Абсолютно всех. А на следующий день неделю абсолютно всех посадят за эти решетки. Даже тех, кто из нее сбежал, хотя со стройки никто не сбежал никогда в жизни и не сбежит. Поэтому и придумано правило – сбежавших не ищут, – сделал маленькое отступление дядя Степа.

– То есть, ты хочешь сказать... – у Анатолия Павловича глаза округлились.

– Да. Сами себе могилы роем.

– А надсмотрщики тут причем?

– Все, кто оказался здесь, оказались за что-то. Будь то убийство, ограбление, маньячество, взяточничество, казнокрадство. Или же просто родители продали тебя за свободу. Или же проиграли. И даже за то, что ты просто появился на свет этот в богатой семье чиновников, тоже, – холодно и жестоко ответил дядя Степа. – Останется только один надсмотрщик, который будет нажимать на кнопочку. А с помощью этой кнопочки в камеру будет спускаться еда. Но этот

надсмотрщик будешь не ты... – Анатолий Павлович посмотрел на дядю Степу, – и не я, – после последней фразы Анатолий Павлович одновременно утешился и удивился.

– Как не ты? Я думал, ты и будешь.

– Нет. Я просто жук. Предатель. Раб, которого пьяные молодые родители проиграли в карты начальнику стройки, и который съел кристальное золото. Я, можно сказать, выиграл счастливый билет с этим кристальным золотом. Иначе сейчас вместе с ними трудился там. А родители мои гады еще те. Они – вечные алкоголики и игроки – проиграли начальнику и отдали меня в пожизненное рабство. Собственного ребенка поставить на игровой стол. Сволочи, думали, что коли они родили меня, то и распорядиться мной могли? Сломали мне жизнь, решили мою судьбу. Я, как и все, раб начальника. Начальник скоро будет владеть кристальным золотом. А зачем такие жалкие неперспективные рабы владельцу кристального золота? У него появятся рабы и получше, и побогаче. Хотя, он и так будет самый богатый человек мира. Так что те, кто умирают во сто раз счастливее выживших. Они умирают с надеждой, что их могли освободить. А когда тебя освободили, а на следующий день забрали, это как ребенку сначала дали конфетку, а потом отняли и съели перед его носом. Рушится все. Многие в первую же неделю сойдут с ума. Так что я завидую смертникам.

– Если ты все это знал, то почему ничего не делал и не делаешь?

– А смысл?

– Как понять смысл? Он один, а нас много.

– Нет никаких нас, как ты не поймешь? Есть одна глупышка, и много надеющиеся на свободу дураков. Когда перед тобой машут свободой, все остальное отступает на второй план. Если ты про это расскажешь, тебе никто не поверит.

– Но ты же мне рассказал.

– Потому что ты настолько глуп, чтобы разбалтывать Азии про свободу. И говорить, как там хорошо.

– Так все разбалтывают.

– Никто лично Асе это не говорит. Все просто в разговоре: «Эх, как на свободе хорошо, хочу на свободу». В переводе на Асин язык: «Эх, как раньше было хорошо, хочу назад». А ты ей лично в глаза сказал, что есть такое место, в котором во сто раз лучше, чем здесь. Все знают, что Асе лучше про свободу не говорить, а то хуже будет. Многие такие, кто ронял хоть звук о свободе – переводились в признанные смертники.

– У тебя все не так плохо. Ты теперь можешь уехать.

– Не могу. Если арестанты сбегут, то будут сбежавшие, а я или ты – предатель. На стройке действует великое правило: сбежавших не ищут. Предателей же начальник находит и уничтожает. Не физически, а морально. А мне есть, что терять. И это не родители, ты не подумай, что я за них беспокоюсь. Я рад, что никогда их не увижу. У меня есть Асия,

Алиса и Кузьма. За любое неповиновение он их убьет. Поэтому я связан по рукам и ногам.

– Ты, оказывается, борешься за своих друзей. Мое первое впечатление было обманчиво, – сказал Анатолий Павлович.

– Первое впечатление всегда обманчиво, но именно оно определяет человека в глазах окружающих... Я пошел. Мне еще нужно найти Асию. Если я не найду ее до конца смены, срок Кузьмы сократится в два раза, – сказав это, дядя Степа побежал дальше искать Асию. Анатолий Павлович, постояв немного в одиночестве, пошел заниматься своими делами.

Тем временем Асия очнулась и осмотрелась.

– Головушке больно, – смешно сказала она.

– Очнулась, – сказал второй смертник.

– Асия, ты меня видишь? – спросил ее первый смертник.

– Да, Бенедикт, я тебя вижу. И тебя, Олег, тоже вижу.

– Асия! – крикнул Олег, бросив свою кирку, пристегнутую к цепям. – Ты какого лешего полезла сюда? У нас из-за тебя точно будут проблемы! Ты что здесь забыла?

– Я просто хотела посмотреть, что вы здесь делаете, – улыбнулась Асия.

– Ночью?

– Днем же не получится.

– Уже получилось. Тебя тоже накажут за прогул рабочего дня, – позлорадствовал Олег. Асия потрогала себя по голове и сняла фонарик.

– О нет! – крикнула расстроено Асия, как бы не заметив

злорадства Олега.

– Что случилось? – спросил Бенедикт.

– Я фонарик дяди Степы сломала. Он мне его только вчера подарил. Как жалко, а он такой хороший.

– Дай посмотрю, – Бенедикт взял фонарик у Асии, покрутил его, постучал, и фонарик вновь засиял. – Стекло немного треснуло, а так он в полном порядке.

– Спасибо, Бен, – улыбнулась Асия. Бенедикт вновь начал работать. Асия переплела волосы, сделала шишку, и о чем-то подумала. Она улыбалась, словно от счастья.

– Бен, что вы делаете? – спросила Асия.

– Ищем кристальное золото. Правда, где его найти в этой темной куче – не понятно. За последние пять лет мы не нашли ни одного кусочка, даже маленького.

– Давайте я с вами поищу, коли я все равно здесь. У меня и фонарик есть, – гордо сказала Асия.

– Ищи. Если найдешь, расцелуем тебя, – сказал Олег. Ребята продолжили дальше работать. Асия стала ходить и смотреть стены. Бенедикт куда-то сильно ударил, и послышался гул сверху. Что-то большое упало. С потолка посыпалась земля. Асия подняла голову наверх.

– Опять не туда попал, – рассмеялся Олег. Асия улыбнулась.

– Блин, опять я башню разрушил? Е-мае, ну сколько можно? Почему всегда я?

– Потому что я смотрю, куда киркой ударяю, – смеялся

Олег. Асия рассмеялась.

– Секрет разрушения башни раскрыт! – смеялась Асия. – Так это значит вы разрушители мечты верхних людей.

– Выходит что так, – сказал Олег. – Но это не только мы так лажаем. В других пещерах и похлеще бывает.

– Странная у них мечта – достроить башню, – усмехнулся Бенедикт. – Могли бы и по интереснее мечту придумать.

– Так если они достроят башню – всех отпустят на свободу, – ответила Асия.

– Что? Правда? Ничего себе, а я и не знал, – удивился Олег, решив подшутить на Асией. Бенедикт понял его настрой. – Бен, ты знал об этом?

– Нет. Сколько я не общался с людьми, про это впервые слышу.

– Да, да. Всех отпустят, даже вас, смертников, – ответила Асия.

– Да ладно? – спросили одновременно мальчики, открыв рты. – Seriously? – ребята посмеялись.

– Вы не такие, как люди наверху. Вы смеетесь, разговариваете, шутите. У вас хорошо, – сказала Асия счастливо.

– А нам потому что можно разговаривать в отличие от верха, – шутя, ответил Олег.

– Вы же меня поняли, что я имею в виду, – сказала Асия.

– Потому что мы смертники. Мы все равно умрем. Так почему бы под конец и не порадоваться? А они сверху питают надежду на свободу, на счастье. Они не понимают, что сча-

стье у них под ногами, – сказал Бенедикт, показывая руками в пол. Асия стала внимательно рассматривать пол, пытаясь найти счастье. Олег и Бенедикт рассмеялись.

– Глупышка, это фигурально выражаясь, – все еще смеясь, сказал Олег.

– Что такое фигурально выражаясь? – не поняла Асия.

– Это в переносном значении значит, образно, в общих чертах, – объяснил ей Бенедикт, снова ударяя киркой о скалу, и продолжил. – Счастье у них под ногами, а они его не видят. Все ждут, когда оно им в руки свалится. Счастье нужно создавать. Ты, Ася, тоже особенная. Все время улыбаешься, чтобы ни происходило. Ты на смертников похожа.

– А о ком горевать?

– Горевать есть о ком, – ответил ей Олег. – О смертниках можно горевать целую жизнь. Ведь многие из них во все и не смертники, а жертвы обстоятельств. Вот, допустим, Колька, который погиб три года назад. Кто знал, что на него упадет эта глыба? Так вот, он вообще ни за что был назван смертником. Добрейшей души человек. И мухи не обидит. Причем, некоторых сразу в смертники определяют, а он как-то перешел в них.

– Наверное, было за что его определить в смертники, – высказала свое мнение Асия. – А глыба на него упала, потому что закончилось время его жизни, – говорила Асия, карябая пальцем скалу. – Дедушка мне говорит, что люди умирают, потому что заканчивается время жизни. Всевышний так

решил, значит, было за что. Кому сколько судьбой отмерено, тот столько и живет, – она отколола маленький камушек. Он упал вниз, а после отвалился большой камень. Асия отскочила.

– Ася, осторожнее! – прикрикнул Олег. – Это все глупости ты говоришь. Дедушка тебе лапшу на уши вешает. Люди все живут одинаково, – его в этот момент Бенедикт ударил Олега рукоятью кирки. – Ой, больно.

– Ты думай, что и кому говоришь. Коли ей «дедушка» так сказал, значит, так оно и есть, – сказал тихо Бенедикт. Олег замолчал.

– Ребята, смотрите, я нашла белый камушек, – Асия достала из стенки кристальное золото, маленький камушек, почти песчинка. Олег включил фонарик на лбу у Асии и внимательно рассмотрел камень.

– Асия, ты где его нашла? – спросил Олег.

– Вот там, – Асия указала на разрушенную стенку.

– Не могу поверить. Я там неделю назад стучал – ничего не было, – дивился Бенедикт.

– Асия, спрячь этот камушек. И никому не говори про него, даже дедушке. И дяде Степе. Никому. Поняла? – спросил Олег.

– Да, – весело ответила Асия.

– Вот и умница! – он расцеловал Асию. – Я потом к тебе приду и заберу этот камушек.

– Хорошо. А ты когда придешь?

– Когда смогу. Ведь мы же теперь в разных блоках живем.

– Да уж, – сказала Асия, сев на камень. – Почему вы живете отдельно?

– Мы же смертники, а смертники живут отдельно, дабы обычные люди их не видели. Вот вся безвыходность положения смертников, – ответил Бенедикт. Настало молчание. Ребята работали, а Асия сидела и смотрела на них.

– Это правда, что Кузьму перевели в смертники? – спросил Олег.

– Он живет в нашем блоке, – ответила Асия.

– Значит, просто слухи.

– Дедушка сказал, что ему осталось жить всего лишь два года, – с грустью сказала Асия. У Бенедикта от такой новости кирка вывалилась из рук.

– Как это два года? – заикаясь, спросил он. В это время вниз спускались надзиратели.

– Рабочая смена окончена, – говорил один из них. – Показывайте сегодняшнюю работу. Нашли хоть что-нибудь? Или опя... Асия? Ты что здесь делаешь? – крикнул он от удивления.

– Понимаете, я вчера ночью гуляла по стройке и оступилась, и свалилась по камням вниз. Вон, голову немного повредила себе. А они, когда спустились вниз, увидели меня. Я сама недавно очнулась.

– А вы почему не подняли ее наверх?! – крикнул на них другой надзиратель. Он достал какой-то пульт, нажал кно-

почку, на правой цепи загорелась маленькая красная лампочка, которая была только у «признанных» смертников, и по цепям смертников прошел электрический ток. Они скривились от боли. – Вы должны были поднять ее наверх!

– Простите, не подумали, – тихо ответил Олег.

– Не подумали? Там жук обыскался ее наверху! Он хотел нас всех повесить! – крикнул недовольно надзиратель и вновь пустил ток. Смертники еще больше покривились. Во время этого второй надзиратель, подойдя, ударил обоих жезлом по ногам так, что они упали на колени.

– Асия, ты почему не поднялась?! – крикнул он на нее.

– Я не знала, куда идти. А ребят не хотела отвлекать от их нелегкой работы, – испугавшись за парней, отвечала Асия.

– Значит так, все трое наверх! – приказали надзиратели и, сцепив всех троих общей цепью, поднялись наверх.

Наверху в это время мимо них пробежал дядя Степа. Он увидел Асию и остановился.

– Асия, вот ты где была. Ты что там делала? – крикнул он на нее.

– Я вчера ночью упала и разбила твой фонарик, – виновато ответила Асия.

– Да черт с ним с фонариком. Ты почему прогуляла рабочую смену? За это следует наказание. Три месяца без обеда и три дня без ужина. И месяц будешь работать в поле с двойной нормой! А теперь иди отсюда! – надзиратели выпустили ее из общей цепи. Она отошла в сторонку. – Хотя нет, пого-

ди, – остановил ее за правую цепь дядя Степа. – А вы почему не подняли ее наверх? – обратился он к смертникам.

– Виноваты, командир, не подумали, – сказал Бенедикт. – Честно, когда увидели ее – не подумали. Мы решили, когда она очнется – поднять наверх.

– Думать надо! Голова вам на что дана? Ради красоты? А если бы она вообще не очнулась? Она там помереть могла! Головой все-таки ударились! – кричал на них на всю стройку дядя Степа. В это время все шли с работы.

– На кого там орет этот жук? – спрашивала Алиса Кузьму.

– На смертников, судя по всему, – они шли издалека до них и видели всю картину.

– Значит так, вы провинились. Вы умышленно прятали Асию от работы, – грозно сказал дядя Степа.

– Нет, не... – вмешалась Асия.

– Молчи! Тебе слово не давали! – прикрикнул на нее дядя Степа и дал пощечину. – С тобой еще поговорю! – в это время Кузьма и Алиса поравнялись с ними.

– А вы чего встали? Идите на ужин! – крикнули на них надзиратели. Ребята фыркнули и ушли.

– Вы, вы... – дядя Степа заикался от злобы. – Вы ничего не нашли! Значит, вы там не работаете, а время тянете...

– Нет, дядя Степа, они там работают, – вмешалась Асия. – Я целый день видела, что они даже не попили и не поели ни разу. Даже есть доказательство – башня разрушилась. Это Бен так уда...

– Асия, я тебе сказал не вмешиваться! Еще наказание! Останешься еще на месяц без еды! И тройная норма! А вы – два халтурщика-укрывателя, будете наказаны! Еще плюс вы опять разрушили башню! Один вред от вас! Ваш срок уменьшается на три года! – грозно и презрительно громким голосом сказал дядя Степа.

– Что? – у Асии быстро округлились глаза от такого заявления. – Нет. Не надо, пожалуйста, не надо, дядя Степа. Не надо на три года, – взмолилась Асия, встав на колени перед ним, спиной к смертникам. – Пожалуйста. Они не виноваты! Прошу!

– Аська, я принял решение и это не обговаривается. Будет тебе уроком, – он посмотрел на нее сверху вниз так, что у нее мурашки по коже пробежали.

– Да ладно, Асенька, три года, так три года. Все нормально, – сказал Бенедикт. – Мы же все-таки смертники, нашей жизнью владеют они. Все нормально.

– Нет не нормально, – дрожащим от горя голосом ответила Асия и посмотрела на смертников. У нее дрожали губы, и глаза были на мокром месте. – Это не нормально. Из четырех лет три года забрать. Это не нормально! – у Асии из глаз покатались слезы. Она вновь повернулась к жуку. Ребята ужаснулись от своего срока жизни. – Пожалуйста, дядя Степа, молю.

– Нет, – он был непреклонен.

– Нет, так нет, – сказал Олег и положил свою руку на пле-

чо Азии. Уже было темно. Один Асин фонарик, который ей починили, светил сквозь темно-серое небо. Все шли на ужин или по своим камерам. – Аська, не переживай ты так.

Смертников увели в их камеры. В отличие от простых заключенных, смертники второго блока (признанные смертники) не могли ночью спокойно гулять и веселиться. Они только спали в закрытых камерах да работали под землей, искали кристальное золото и ужинали со всеми вместе. Смертники первого блока зачастую не знали, что они смертники (непризнанные смертники).

– Ты жестокая девочка, – сказал дядя Степа грубо, когда смертники ушли. Он не смотрел ей в лицо, стоял справа от нее. Ее глаза от его слов еще больше расширились, а рот слегка приоткрылся. – Слишком много себе позволяешь, а из-за этого страдают другие. Из-за твоего проступка сократилась жизнь трех людей. Это из-за тебя, из-за твоего желания попасть поскорее «в свободу». Забудь про свободу, забудь это глупое слово, иначе будет хуже. Свобода ничего хорошего не принесет, – он ушел, а Асия осталась стоять на коленях.

Она смотрела в темное ночное пустое небо. Пошел дождь. Он крупными каплями падал в ее открытые глаза. Мимо Азии пролетела птица. Она кружилась над Асией, пытаясь утешить. По лицу вместе с каплями дождя катились слезы. В это время Анатолий Павлович осматривал территорию стройки и увидел Асию.

– Асия, ты что здесь делаешь? – спросил он, увидев ее. Он испугался. Впервые он увидел Асию такой подавленной. Анатолий Павлович не увидел вечно радостную девушку, она была не похожа на всех остальных людей. Ее лицо выражало намного больше боли.

Дядя Степа уже находился в кабинете начальника. Начальник смотрел в окно. Из его окна хорошо была видна стройка. Сейчас он видел Асию, несмотря на сильный дождь, стучащий в стекло.

– Прошу вас, Асия усвоила урок. У смертников и так сократился срок с четырех до одного. Пожалуйста, не сокращайте срок и Кузьме.

– Асию ты уже наказал смертниками и все правильно сделал, как и надо, по закону, – ответил начальник, не переставая смотреть в окно. – А Кузьма – это твое наказание, – от этих слов дядя Степа потерял почву под ногами.

– Простите? – заикаясь, переспросил он.

– А что непонятного. Твоя работа, пока ты на стройке, следить за Асией. Ты ее не выполнил. Асия была черт знает где. Она могла и умереть. А сейчас этого нельзя допустить. Она должна еще отсортировать найденные смертниками камни (ведь есть и фальшивки среди найденных) и найти кристальную комнату. Она должна быть под полным контролем, а ты ослабил бдительность. Вот за это и расплачивайся Кузьмой. Нет, конечно, если хочешь, я могу Кузьму заменить на Алису. У Кузьмы будет два года и у Алисы три.

– Не трогайте Алису, она же даже не смертница, – взмолился дядя Степа.

– Это легко исправить, – от этих слов у дяди Степы помутился рассудок, он онемел, чуть не упал и посмотрел в окно на дождь, тарабанивший по стеклу.

– Асия? – несмело спросил Анатолий Павлович, подходя к Асии.

– Я хочу стать птицей, – сказала Асия безразличным слегка хриплым голосом. – Стать птицей и улететь. Не хочу свободы...

III

– Что-то Азии сегодня не видно, – сказала Алиса, сидя в камере Кузьмы на матрасе и рассматривая его рисунки, – она обычно во время дождя сразу сюда бежит.

– Может, что случилось с ней. Ты же помнишь, как жук на нее кричал. Может, она не выдержала его крика, – сделал предположение Никитич, который тоже сидел в камере.

– Ну не знаю, – опровергал Кузьма, – Асия на его жалкие крики не обращает внимания, – в это время мимо прошла Асия, поникшая и опечаленная. Она так тихо прошла, что ее никто не увидел. – Наверняка она опять под дождем танцует, как в тот раз.

– Или птичку кормит, – улыбнулась Алиса.

– Да уж, надо же было додуматься! Птицу у себя в камере спрятать! – удивлялся Кузьма, – и самое главное никто и не узнал.

– Анатолий Павлович узнал, – поправил Никитич.

– Так Анатолий Павлович свой человек.

– А дождь все не перестает идти. Надо сходить за Асией, а то простудится, и ее накажут, – волновалась Алиса. В это время мимо них прошел дядя Степа. С него лилась вода, как с водопада. Он шел, качаясь и облачиваясь о стены. Чтобы не упасть, он взялся за решетку Кузьминой камеры, но рука соскользнула вниз, и он все равно упал. Ребята обернулись.

Дядя Степа смотрел в никуда, ничего не понимая.

– Жук? Тебе что здесь надо? – обратился к нему Кузьма.

Дядя Степа, ничего не понимая, посмотрел на него. Он сейчас выглядел, как беспомощный ребенок.

– С тобой все хорошо? – обеспокоенно спросила его Алиса.

– Что? Да. Со мной все... все... – он поднялся и пошел дальше.

– Что это с такое было? – не понял Кузьма.

– Не знаю. Его выкрутасы, – сказал Никитич. – Слушай, а может по одной. Нужно же с себя напряжение снять.

– Не, Никитич. Я не хочу, – отказался Кузьма.

– Ребята, здесь Асия не проходила? – спросил Анатолий Павлович, входя в камеру.

– Нет, мы ее не видели, – ответила Алиса. – А что-то случилось?

– Да. Ничего страшного, – ответил надзиратель и ушел.

– погоди, как ничего страшного. Анатолий Павлович! – крикнула ему вслед Алиса и побежала за ним, на весь блок шумя своими цепями. – Анатолий Павлович! – догнала она надзирателя. – Какой приговор вынес жук Асии?

– Как я понял, он сократил жизнь тех смертников.

– Что? – ошарашилась Алиса. – Как сократил?

– Не знаю. Когда я осматривал стройку, то увидел Асию. Она стояла на коленях и смотрела в небо. А когда я спросил ее, что произошло, она ответила: «Я хочу стать птицей»

и улететь. Не хочу свободы». А после этого она, еще минуты три простояв, встала и куда-то пошла. Я за нее беспокоюсь, вдруг что с ней случится.

– Вы не переживайте, Анатолий Павлович. Аська сейчас уже спит в своей камере. Я в этом уверена, – они дошли до камеры Асии.

Алиса оказалась права. Рядом со спящей Асией сидел дядя Степа. Он сидел спиной к выходу, поэтому ребята не могли видеть выражения его лица, и смотрел на Асию. Алиса, увидев его, собралась войти, но Анатолий Павлович ее остановил и увел.

– Вы что делаете? – возмущалась Алиса, когда Анатолий Павлович привел в ее камеру. – Почему вы не дали мне войти в камеру? Там сидел этот жук!

– Перестань, Алиса, – сказал Анатолий Павлович. – Перестань к нему так относиться. Я знаю, что ты хотела сделать. Ты хотела отомстить за тех смертников.

– Да. Потому что этот жук поступил жестоко!

– Почему жук?

– Да потому что он предал нас! Он предал Кузьму, Асию, меня! Он вырвался в верхи и забыл про нас. Забыл про «Четыре друга навсегда!». К нам он теперь обращается, как к скоту! Возится в своем навозе, как жук!

– Алиса, а ты подумай, почему он с вами так обращается. Ты не подумала о его чувствах?

– Анатолий Павлович, вы не знаете его. Он, как стал жу-

ком, так его кроме денег да сохранения собственной шкуры ничего не заботит. Он забыл, что сам когда-то был рабом. Хотя и тогда, судя по всему, его только деньги и сохранность собственной шкуры заботили. Правда, что яблоко от яблони недалеко падает. Прямо, как свои родители.

– Алиса, ты не права. Ложись спать, завтра тебе работать еще целый день. Так что спать, – Анатолий Павлович ушел.

Проходя мимо камеры Асии, он увидел, что дядя Степа все еще сидит там. Он игрался с цепями Асии. Анатолий Павлович долго не мог решить, заходить или нет. Он увидел, как дядя Степа бьет себя цепями по лбу и пытается задушиться.

– Все хорошо? – спросил Анатолий Павлович, положив руку на плечо дяди Степы. Дядя Степа обернулся. У него лоб был разбит, кровь текла тонкой струйкой через глаз.

– Нет. Ничего не хорошо. Я, в сегодняшнем происшествии виноват только один я. Я такой слабый, все свое зло выместил на Асии. Урезал жизнь смертникам. Нет, это, конечно, не я сделал. Это закон такой. Но исполнитель-то я. И именно меня ненавидят за это. Я устал. Я не смог их защитить, ни одного. А ведь, когда я стал таким, я себе пообещал, что их защищу. Ничего не вышло. Из-за Асии срок жизни смертников сократился с четырех до одного года. А из-за меня – срок Кузьмы с двух до одного. Я не могу справиться с собой. Я не могу смотреть на него. Я не могу выносить этого. Я устал. Слишком быстро я сдулся. Слабак. Я не пред-

ставляю, что я буду потом делать. Не представляю.

В это время Азии снился сон. Во сне ей приснился момент, когда она впервые узнала о свободе.

***

Асия работала в поле, потому что была наказана за встречу Анатолия Павловича. Неожиданно с неба упала птичка. Асия ее подняла и спрятала. Мимо проходил Анатолий Павлович и увидел это.

Ночью, когда Анатолий Павлович осматривал камеры,знакомился с территорией, то прошел мимо камеры Азии. Она сидела и разговаривала с птичкой.

– Кх, кх, насколько я знаю, животину нельзя держать в камерах, – сказал Анатолий Павлович. Асия сильно испугалась, что сжала бедную птичку в руках. – Ой, ты же ее сейчас убьешь, – сказал добродушно Анатолий Павлович.

– Ой, прости, маленькая, – сказала Асия, обращаясь к птичке. Она поцеловала больное место. – А вы, кажется, новенький, – обратилась она к Анатолию Павловичу.

– Да. Я буквально вчера приехал.

– Я знаю, – улыбнулась девушка. – Я же вас встречала.

– Так это были вы? – удивился Анатолий Павлович. – Позор мне, большой позор! – он прикрыл глаза рукой, в знак стыда. Асия рассмеялась.

– Простите меня, пожалуйста, – сказала она, улыбаясь, – я вас перепутала с моим знакомым.

– Да ничего страшного. С кем не бывает. Ну ладно, ло-

житесь спать. Вы все-таки завтра будете работать. А птичку спрячьте, чтобы ее никто не увидел, – подмигнул Анатолий Павлович. Асия обрадовалась и легла спать.

Вечер несколько дней спустя. Асия вместе с ребятами в столовой. В этот день было холодно, поэтому Асия была в куртке, которая была на два размера больше ее. Во время ужина Асия расстегнула куртку, и оттуда высунулась голова птички.

– Асия, это что такое? – шепотом спросила ее Алиса.

– Это птичка. Ей нужно покушать, сил набраться. Она полностью выздоровела, я ее сегодня отпущу. Она должна набраться сил, чтобы улететь, – улыбнулась Асия.

– Ну ты даешь. Птицу в столовую притащить, – тихо рассмеялся Кузьма.

Ночь. Идет дождь. Анатолий Павлович осматривает стройку. Он видит, на скале стоит Асия и отпускает птицу. Птица улетает.

– Лети, лети, птичка! – улыбаясь, крикнула Асия. Ее глаза горели блеском.

– Отпустила-таки? – спросил Анатолий Павлович Асию.

– Да. Я тоже хочу быть птицей, – ответила она, смотря на улетающую птицу. – Хочу быть птицей и улететь. Летать, где хочу. Делать, что хочу. Птицей быть просто великолепно, – она подняла руки как крылья и замахала ими.

– Не обязательно же быть птицей. Можно просто выйти на свободу. Вот достроят башню, и ты и все остальные вый-

дете на свободу. Там ты тоже будешь летать, где хочешь.

– А что такое свобода? – спросила Асия, сев на скалу.

– Свобода? Свобода – это хорошо. На свободе ты можешь делать что хочешь, в пределах разумного, конечно. Можешь завести семью, или птицу. Тебе никто ничего не скажет. На свободе у меня остались жена и сын. Вот, как закончится стройка башни, сразу рвану к ним. Брошу работу. Сейчас я этого сделать не могу, потому что мне не заплатят, а деньги мне ой как нужны.

– То есть, на свободе ты можешь спать днем? – спросила Асия, у нее глаза загорелись еще больше.

– Да, – несмело ответил Анатолий Павлович.

– Ура! – Асия встала и запрыгала на мокрой скале. Анатолий Павлович страховал ее, дабы она не упала. – Ура! Значит свобода лучше птицы. Тогда я хочу в свободу! – крикнула Ася на всю стройку.

***

Пока Асия спала в своей открытой камере, в своей закрытой камере спали смертники.

– Пс, Бенедикт, ты спишь? – спросил тихо Олег. Их камеры были с высокими потолками и без окон. Они, как и все заключенные, спали на матрацах. Слева от камеры Олега находилась камера Бенедикта.

– Нет, – ответил Бенедикт. – Все думаю. Четыре года. Нам оставалось жить четыре года. Как-то печально.

– Уже один.

– Да. А все потому что мы не подняли Асию вверх.

– Да не поэтому, Бен. Это потому что за пять лет мы не нашли ни одного камня.

– Асия сегодня нашла. Ты, кстати, как собираешься его забрать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.